

Забастовка воспитанниковъ семинаріи.

Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ отъ 10-го числа ноября 1905 года была помѣщена корреспонденція изъ г. Тобольска, имѣвшая цѣлю представить въ истинномъ свѣтѣ сущность, причину и послѣдствія забастовки въ мѣстной дух. семинаріи со стороны воспитанниковъ ея. Выполняя намѣченную цѣль, авторъ корреспонденціи, скрывшій свою фамилію подъ вопросительнымъ знакомъ, не только не представилъ „истиннаго положенія дѣла“, какъ обѣщаль, но даже не удержался на чисто объективной точкѣ зрѣнія и позволилъ себѣ преподавать духовной власти уроки любви, состраданія, съ поддѣльнымъ наѣсомъ взывать къ правдѣ и справедливости и даже пугаетъ угрозою „что репрессіями въ настоящее время ничего не сдѣлаешь“, наконецъ, обвиняетъ въ бюрократизмѣ, жестокости и неуваженіи личности и т. п. Мало того, признавая вполне законною какъ самую петицію, такъ и способъ подачи ея, авторъ счелъ нужнымъ отмѣтить поступокъ и мѣстнаго Преосвященнаго словами: „однако петиція не была принята ни ректоромъ семинаріи, ни мѣстнымъ Преосвященнымъ“. Такимъ образомъ въ освѣщеніи дѣла господиномъ „вопросительнымъ знакомъ“ со стороны высшаго и мѣстнаго начальства была проявлена и несправедливость, немилосердіе и незаконность, а воспитанники дѣйствовали законно, почему авторъ и спрашиваетъ не разъ: „гдѣ же справедливость, гдѣ же правда“?

Въ виду того, что въ корреспонденціи затрагивается дѣятельность мѣстной духовной и высшей власти и выставляется не въ надлежащемъ свѣтѣ, набрасывается тѣнь сомнѣнія на законность ихъ поступковъ и тѣмъ вводится въ заблужденіе и общество, высшая власть и родители учащихся, а сами учащіе находятъ побужденіе и поддержку въ своихъ поступкахъ, — мы позволяемъ себѣ просить редакцію ради восстановленія истинны не отказать въ помѣщеніи въ ближайшихъ номерахъ нашего отвѣта на упомянутую корреспонденцію. Если авторъ ея взываетъ къ справедливости, то таже самая справедливость требуетъ, чтобы была выслушана и другая сторона.

Не нами одними, но всѣми, даже непричастными къ педагогическому дѣлу, лицами, но здраво и благонамѣренно разсуждающими, подмѣчена та характерная для нашего времени черта, что вездѣ и повсюду молодежь нынѣшняя очень настойчиво и часто говорить о правахъ, даже настоятельно требуетъ ихъ и съ разными угрозами, но о своихъ обязанностяхъ совершенно умалчиваетъ. Родители, учителя, начальство, даже высшая власть должны, по мнѣнію молодежи, тотчасъ, неукоснительно, подъ опасеніемъ того-то и того-то выполнить не просьбы уже, а „требованія“, чуть ли не приказанія, предоставить всевозможныя льготы, почти полную свободу, почти совсѣмъ не напоминать о своемъ существованіи, проявлять только любовь, терпѣніе, уваженіе къ человѣческой личности, къ ученическому „я“, выслушивать обвиненія въ своихъ промахахъ не только въ стѣнахъ заведенія, но и публично, въ печати и засѣданіяхъ, дѣлать всевозможныя затраты, доставать откуда угодно средства для выполненія всевозрастающихъ желаній и требованій, не знающихъ удержу и со всѣхъ сторонъ поощряемыхъ, учащихъ, но что должны дѣлать сами учащіеся, какъ будутъ выполнять они свои обязанности, налагаемыя на нихъ и совѣстію, и честію, и долгомъ, и уставомъ учебныхъ заведеній, и законами и любовью ко всѣмъ, кто содѣйствуетъ ихъ воспитанію и обученію—объ этомъ учащіеся дипломатично умалчиваютъ. Вы-де намъ подавайте все, что ни потребуемъ, и не ограничивайте нашей свободы, не подглядывайте за нами, а какъ мы воспользуемся данными льготами, чѣмъ заплатимъ и государству, и церкви, и обществу, и школѣ и родителямъ, чѣмъ отблагодаримъ ихъ за всѣ заботы и расходы—это-де наше ужъ дѣло, дѣло нашего незрѣлаго, неопытнаго, мало знающаго жизнь и свои силы—„я“.—Наше юное „я“ имѣетъ право судить старшихъ себя, обличать, требовать, угрожать, а старшіе, начальство и учителя должны все, немедленно или съ милостивой разсрочкой исполнить—иначе не хотимъ учиться и бастуемъ съ предупрежденіемъ, что „репрессіи не помогутъ“! Предъявивши такой ультиматумъ во многихъ городахъ, учащіеся не только забастовали, но, къ радости и восхищенію либеральной прессы, хлынули цѣлыми толпами на улицы и съ красными флагами, съ воплями—„республика да здравствуетъ“ смѣшались съ бунтующей толпою. Къ чести Тобольскихъ семинаристовъ нужно отнести то, что они не дош-

ли до такой крайности, не бунтовали съ толпою, но всетаки характеръ ихъ петиціи и все поведеніе ихъ вполне отвѣчаетъ поведенію современной молодежи, трактующей о правахъ, а объ обязанностяхъ — ни звука. Духовное начальство должно предоставить имъ полное право ухода изъ духовной школы, право читать, что угодно, уходить куда и когда угодно („расширеніе отпусковъ“), расширить курсъ математики, ввести естествовѣдѣніе и т. п., отмѣнить наказанія карцеромъ и т. п., а о своихъ обязанностяхъ они не желаютъ и рѣчи заводить, исключая одной — не учиться до удовлетворенія ихъ требованій. Но тогда гдѣ же будетъ справедливость, о которой вопрошаетъ, которую ищетъ авторъ корреспонденціи у начальства, но забываетъ спросить о ней у бастующихъ?

Далѣе, авторъ увѣряетъ, что „ничего противозаконнаго въ петиціи нѣтъ“. Справедливо ли это? По нашему же мнѣнію, которое, надѣемся раздѣлять и всѣ благомыслящіе люди, и самый способъ подачи и самая петиція не могутъ имѣть законнаго характера. Въ какихъ же это законахъ можно найти указаніе, что воспитанники, обязанные по правиламъ (то же, вѣдь, своего рода законы) учиться и слушать распоряженія начальства и совѣты учащихъ въ духѣ этихъ правилъ, самовольно прекращаютъ уроки, нарушаютъ теченіе школьной жизни, требованія дисциплины, порядка, долгъ послушанія, уклоняются отъ своихъ прямыхъ обязанностей, являются законодателями и критиками школьной жизни и предъявляютъ всевозможныя требованія. — Для насъ совершенно непонятна эта перемѣна ролей, когда тѣ, которые должны слушаться и исполнять законы школьной жизни, подчиняться руководству старшихъ — вдругъ являются законодателями и судьями. Но для автора корреспонденціи все понятно: „русскій народъ извѣрился въ бюрократію, бюрократія завѣдуетъ и воспитанниками духовныхъ школъ, а поэтому надо бунтовать и „семинаристы поддержали петицію забастовкой“. Но, во-первыхъ, не вездѣ и не весь народъ извѣрился въ бюрократію, а потому во многихъ мѣстахъ хранитъ спокойствіе, вѣритъ Государю и власти и бунтуетъ тамъ, гдѣ сильна агитація революціонеровъ, а, во-вторыхъ, если бы даже и на самомъ дѣлѣ народъ бунтовалъ противъ бюрократіи, то ужели непременно и воспитанникамъ и при томъ духовной школы, будущимъ учителямъ народа, надо еще на школьной скамьѣ приучаться къ бунту?

Если въ лучшую пору своей жизни, на зарѣ своей юности, они приучатся добиваться своихъ цѣлей, исполнять свои прахоти путемъ нарушенія дисциплины и порядка, то спрашивается: какими же они могутъ быть дѣятелями, руководителями народной жизни, какой примѣръ они покажутъ, чему и какъ будутъ учить народъ и что принесутъ они въ народную жизнь при такомъ направленіи и настроеніи? Оказывается, что лавры университетовъ имъ не давали спать: „университеты баставали, и положеніе ихъ улучшилось“. Но почему же непременно университеты, бросившіе научныя занятія ради уличныхъ процессій и баррикадъ, лишаящіе родину полезныхъ дѣятелей, губящіе народныя, непроизводительные истрачиваемыя деньги, — студенты, причиняющіе своимъ поведеніемъ горе и хлопоты роднымъ, служащіе причиною смутъ и кровопролитія, провозглашающіе революцію — должны служить примѣромъ для воспитанниковъ духовной школы? Не естественнѣе ли было бы, если бы питомцы духовной школы, будущіе народные учителя и пастыри, жалѣя терзаемую смутами родину, остались бы вѣрными своему долгу и послужили бы примѣромъ для бунтующихъ и производящихъ кровопролитную смуту и пользующихся бѣдственнымъ состояніемъ родины для достиженія своихъ цѣлей. Но они, говорятъ, за то улучшили свое положеніе. Что же тутъ завиднаго и достойнаго подражанія? Честно ли, благородно ли, сообразно ли съ законами божескими и человѣческими созидать улучшение быта своего путемъ бунта, сопротивленія власти, насилія и даже кровопролитія? Такой путь не отъ Бога, противенъ этотъ путь и закону и совѣсти неспорченной и честному человѣку, преданному сыну отчизны и вѣрноподданному. Все, что созидается бунтомъ, кровію и нарушеніемъ закона не приноситъ счастья и пользы, непрочно, а поэтому завидовать этому счастью, брать примѣръ съ достигшихъ его преступнымъ путемъ грѣшно, бесполезно и предосудительно.

Но намъ, говорятъ, ничего не оставалось, кромѣ забастовки: мы ждали, сколько было силы, терпѣли. Странное дѣло. Нѣсколько ниже авторъ корреспонденціи говоритъ: „въ дѣлѣ воспитанія требуется отъ педагоговъ евангельская любовь, терпѣніе“. Почему, спрашивается, для педагоговъ обязательны и любовь и терпѣніе, а для воспитываемыхъ онѣ не требуются? Если авторъ сталъ на точку зрѣнія евангельскую, то онъ одинаково долженъ признавать обязательными эти

добродѣтели для педагоговъ и воспитываемыхъ, какъ христіанъ, которыми Господь говоритъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши, претерпѣвый до конца спасенъ будетъ, а св. ап. Павелъ внушаетъ: любовь долготерпитъ, не завидуетъ, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не радуется неправдѣ, всему вѣритъ, всего надеется, все переноситъ, любовь никогда не перестаетъ (I Кор. XII, 4—5). Этимъ великимъ завѣтамъ слѣдовали всѣ истинно русскіе люди, терпѣли много бѣдствій, прошли суровую школу нужды, закалили свою волю и характеръ въ перенесеніи скорбей, лишеній, но не бунтовали, а сдѣлались великими учителями народа и воспитали его въ могучій и славный народъ, терпѣливо перенесшіи много бѣдъ и скорбей. Св. Тихоны, Дмитріи, многое множество позднѣйшихъ духовныхъ дѣятелей и современные люди старой школы пережили и переиспытали немало скорбнаго, но не истошились въ терпѣніи и вѣрою и правдою и съ пользою служили и служатъ св. церкви, престолу и родинѣ. Почему же не у нихъ нужно учиться, а у бунтующихъ людей новаго смутнаго времени? Если рѣчь зашла о евангельской любви и терпѣніи, то и учиться этимъ добродѣтелямъ надо не у бунтующихъ, а у истинныхъ терпѣливцевъ, терпѣвшихъ до конца, тѣмъ болѣе, что сами событія современныя показываютъ, въ какую бездонную пропасть стремятся нетерпѣливые реформаторы и какъ справедливо и разумно поступала духовная власть, не разрѣшая до успокоенія умовъ перехода въ свѣткія учебныя заведенія. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ настоящая учебная жизнь въ нихъ замерла; учащіеся бросили заниматься наукою и ударились въ политику, ученье продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, а остальное время проходитъ въ забастовкахъ, миттингахъ и шатаньи. За это время духовные питомцы благополучно кончили курсъ, заняли мѣста и теперь спокойно могутъ послужить родинѣ и церкви, обучая и воспитывая народъ и дѣлая больше, чѣмъ ходящіе съ краснымъ флагомъ и пріучающіе народъ къ бунту и нарушенію порядка.

Въ оправданіе забастовки или точнѣе бунта авторъ ссылается на то, что нельзя считать виновнымъ человека, который „добивается полученія того, что принадлежитъ ему, безъ чего самая жизнь является прозябаніемъ, подчиненіемъ своего „я“ чьимъ-то чужимъ интересамъ“, и нѣсколько выше заявляетъ, что „ученики ходатайствуютъ

о признаніи своихъ правъ человѣка, желающаго трудиться на пользу себя и ближнихъ, объ улучшеніи своего сквернаго положенія“. Если вѣрить автору корреспонденціи, то выходитъ, что въ петиціи заключается все, принадлежащее семинаристамъ, все, безъ чего жизнь ихъ является прозябаніемъ, подчиненіемъ ихъ „я“ чужимъ интересамъ, что въ петиціи заключены права желающихъ трудиться на пользу себя и ближнимъ и указаніе способа выйти изъ худого положенія. Но неужели это правда, что до сихъ поръ семинаріи не давали возможности трудиться на пользу себя и ближнимъ, заставляли только прозябать, а въ петиціи заключается, кажется, отъ всѣхъ золъ, какой то чудодѣйственный талисманъ, который долженъ возродить духовную школу. Не будутъ ли рѣчи такія клеветою на духовную школу и всѣхъ полезныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ нея на служеніе церкви, государству, обществу и самой школѣ. Неужели безчисленный сонмъ питомцевъ духовной школы, занявшій всевозможныя мѣста, не сдѣлалъ ничего добраго, благороднаго, полезнаго, не служилъ ближнимъ, а лишь прозябалъ? Жестоко слово сіе и это слово могъ сказать только или фанатичный ренегатъ или совершенно не знающій питомцевъ духовной школы. Напротивъ, и въ печати и отъ лицъ компетентныхъ приходилось слышать, что питомцы духовной школы отличаются дѣловитостію, трудоспособностію и болѣе солиднымъ, чѣмъ въ другихъ среднихъ школахъ, образованіемъ. — Авторъ обижается, что у питомцевъ духовной школы „я“ подчинено чѣмъ то чужимъ интересамъ“. Опять полное непониманіе значенія духовной школы и даже самой сущности духовной школы служить не „чѣмъ-то чужимъ интересамъ“, а интересамъ св. церкви, той церкви, которая отъ самой колыбели и до гробовой доски любовно принимаетъ духовнаго воспитанника подъ свой материнскій кровъ, духовно и тѣлесно питаетъ его, обучаетъ, воспитываетъ и поставяетъ на служеніе себя и опять даетъ ему возможность до смерти своей получать отъ нея все нужное для тѣлесной и духовной жизни. Интересы церкви и духовнаго воспитанника находятся въ тѣсной и неразрывной связи, подобной той, которая устанавливается между сыномъ и матерію. О какихъ же чужихъ интересахъ тутъ можетъ быть рѣчь? Только ренегатъ такъ можетъ говорить, но вѣдь такіе люди въ примѣръ не ставятся, а по идеѣ всѣ питомцы духовной школы должны быть пер-

венцами, начаткомъ новаго духовнаго Израиля, священствомъ святымъ, избранниками, новыми левитами; если же они не хотятъ этого признать, не дорожатъ этою честью, забываютъ благодѣянiя св. церкви, не хотятъ служить ей, отплатить за питанiе, обученiе, считаютъ себя чуждыми для нея и для ея интересовъ, то это ихъ вина, знакъ ихъ духовнаго одичанiя, отреченiя. Если же они не отрекутся, то служенiе церкви, ея интересамъ будетъ вивѣсть съ тѣмъ служенiемъ ближнимъ.

Но быть можетъ и дѣйствительно въ петиціи указаны пути для служенiя ближнимъ болѣе лучшіе, дано все, чтобы не сдѣлать изъ семинаристовъ однимъ прозябiемъ, данъ выходъ изъ плохаго положенiя и ихъ „я“ освобождено отъ служенiя какимъ то чужимъ интересамъ, а потому и петиція выходитъ, какъ будто, законною? Прежде чѣмъ разбирать дѣло по существу, должно оговориться еще, что истинному питомцу духовной школы, какъ христіанину, вовсе не приходится слѣдовать духу вѣка сего и на первый планъ ставить свое эгоистичное, горделивое „я“, изъ котораго столько вражды, злобы, судбищъ, кровопролитій и прочихъ бѣдствій нынѣ происходитъ. — Интересы міра сего „возлѣ лежаща“, интересы эгоистичные, лицемерныя противоположны ученiю Христову: міръ возрадуется, говоритъ Спаситель, а вы восплачете; не сообразуйтесь вѣку сему, говоритъ ап. Павелъ, а потому и Спаситель призывалъ учиться у Него смиренiю и паставлялъ всѣхъ послѣдователей Своихъ быть слугами другихъ; и разъ наше „я“ отказывается служить другимъ, конечно, въ цѣляхъ истиннаго добра, то это „я“ уже не христіанское и отъ его гордыни вѣдетъ гибелью и духовною смертью. При томъ, въ силу тѣсной связи людей между собою, какъ духовнаго организма, никогда невозможно освобожденiе полное отъ подчиненiя личности кому либо, а потому никакія петиціи на свѣтъ, даже наполненныя сими фантастическими прѣктами не дадутъ несбыточнаго блага; даже въ мірѣ безплотныхъ, безгрѣшныхъ духовъ существуетъ зависимость, ограниченiе „я“, и одинъ изъ высшихъ духовъ за неподчиненiе этому закону самъ погибъ и другихъ погубилъ и теперь, особенно въ наше время, губитъ.

Обращаясь теперь къ самой петиціи, мы должны прямо и открыто сказать, что она не законна, такъ какъ въ корнѣ убиваетъ духовную

школу, лишаетъ ее жизненной силы, смысла, наноситъ тяжкій ударъ, вредъ церкви и придумана сильнѣйшими врагами православія, а потомъ внушена семинаристамъ. Врагамъ православія, сознающимъ великое значеніе его въ прошлой жизни народа, желательно было умалить эту силу, а такъ какъ представителями его являются лица духовныя, то всѣ усилія враговъ и были направлены къ тому, чтобы представителей и выразителей этой силы сдѣлать „солю обуялою“, теплохладною; лучшимъ средствомъ и оказалось обмирщеніе семинарій, этихъ разсадниковъ пастырства, выпускавшихъ великихъ и славныхъ борцовъ за св. церковь, св. вѣру и родину; и теперь уже злая пропаганда съ девизомъ „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, девизомъ возмущившимъ всю Русь и подвигшую ее на смуту и кровопролитіе, свила прочное гнѣздо въ семинаріяхъ, возбудила бунты и недовольство, а въ будущемъ грозитъ еще большими бѣдами.

И дѣйствительно бѣдствія эти для церкви велики. Она принуждается путемъ бунта своихъ питомцевъ къ тому, чтобы на свои средства содержать будущихъ либераловъ—естествовѣдовъ и математиковъ, будущихъ университетовъ и технологовъ и т. п., а сама должна остаться при скудномъ числѣ пастырей и при томъ прошедшихъ свѣтскій курсъ. Впрочемъ реформаторы снисходительно оставляютъ для пастырскаго приготовленія два года изъ 10-ти, но сами, вѣдь, они хорошо знаютъ, что въ два года чрезвычайно трудно пройти богословскій курсъ даже при дѣйствующемъ нынѣ уставѣ, когда часть богословскихъ предметовъ начинается уже съ 1-го класса семинаріи и даже въ училищѣ, хотя въ сокращеніи.—Принято думать, что пастырское служеніе требуетъ, особенно по нынѣшнимъ временамъ, обширныхъ богословскихъ познаній, а между тѣмъ курсъ наукъ, составляющихъ основу пастырства, хотятъ втиснуть въ рамки двухлѣтняго періода. Чего же можно ожидать отъ пастырей, $\frac{8}{10}$ времени своего обученія и воспитанія посвятившихъ почти постороннему дѣлу и изучавшихъ естествовѣдѣніе, математическія науки, свѣтскую литературу и читавшихъ всяческіе журналы и газеты, безъ всякаго контроля, подъ руководствомъ лицъ изъ своего же кружка неизвѣстнаго направленія.—Свое мнимое образованіе будущіе кандидаты священства должны еще по требованію петиціи заканчивать въ концертахъ и спектакляхъ. Что же, спрашивается, останется у будущихъ богосло-

вовъ послѣ восьмилѣтняго свѣтскаго обученія изъ того религіозно-церковнаго настроенія, съ какимъ они выйдутъ изъ семьи?

На этотъ важный и существенный для православной церкви вопросъ пусть отвѣтитъ нелицепріятная исторія. Всѣмъ извѣстно, что въ протестантизмѣ пасторы проходятъ также гимназическій курсъ и потомъ богословскій факультетъ, на которомъ обучаются не два года, а цѣлыхъ четыре и что же оказывается на дѣлѣ? Какихъ пасторовъ получила протестантская община? Какое вліяніе оказали они на своихъ пасомыхъ и что приобрѣли они въ періодъ своего обученія въ гимназіяхъ и факультетахъ? „Наиболѣе характерною чертою современнаго протестантизма нужно признать то, что онъ все болѣе быстрыми шагами идетъ къ религіозному отрицанію и разложенію; умерли обряды, вымираютъ догматы, вѣра вырождается въ моральную философію, все церковное отрицается. Отъ христіанства остается лишь нѣсколько смутныхъ воспоминаній, нѣсколько правилъ морали. Большинство людей нашего времени (протестантскаго вѣроисповѣданія) не чувствуетъ болѣе потребности ни въ церкви, ни въ молитвѣ, ни въ богослуженіи, ни въ таинствахъ. Они живутъ какъ язычники и соблюдаютъ праздничные дни и обычаи, лишь какъ требованія свѣтскаго приличія и гигиены. Богословская мысль, вступивъ въ союзъ съ наукою (пусть помнятъ это реформаторы наши, а также и то, что союзъ то бываетъ большею частію съ лженаукою, съ ея скороспѣлыми теоріями, принимаемыми, какъ послѣднее слово науки), уступаетъ этой союзницѣ одну за другой тѣ области, гдѣ прежде царила чистая вѣра. Церковь подъ воздѣйствіемъ культуры все болѣе ослабляетъ ортодоксальный духъ въ своихъ канонахъ и практикѣ. Эта общая тенденція протестантизма ясно сказывается въ Германіи, Англіи, Америкѣ и Швеціи. Если обратится къ богословской мысли въ Швеціи, то господствующимъ направленіемъ здѣсь, какъ и въ классической странѣ богословія, Германіи, откуда черпаютъ вдохновеніе вмѣстѣ съ другими и шведскіе богословы, является Килліанская школа, а попытки защищать старую ортодоксію не встрѣчаютъ сочувствія (рефератъ Офельдта въ Стокгольмскомъ пастырскомъ собраніи). Современные шведскіе богословы все болѣе склоняются на сторону современной науки и культуры, въ которыхъ растворяются и таютъ одно за другимъ ихъ религіозныя вѣрованія. За учителями слѣдуютъ ученики,

и вотъ, какъ констатируетъ докторъ богословія Фрисъ, почти всѣ молодые пасторы выходятъ со школьной скамьи приверженцами новаго либеральнаго направленія и, естественно, переносятъ свои либеральные взгляды и въ область церковной практики“. (Приб. къ Церк. Вѣд. № 41 1905 г. стр. 1755—56). Не то же ли самое можно ожидать и у насъ при расширеніи курса математическихъ наукъ, литературы, введеніи естествовѣдѣнія, которое оказало вредное вліяніе на протестантскихъ пасторовъ, увлекшихся имъ. Вѣдь преподавать эти науки будутъ университетскіе, но кто же изъ нихъ остается нынѣ вѣрующимъ сыномъ православной церкви, способнымъ смѣло отстаивать ея ученіе и защищать на основаніи данныхъ науки; надо имѣть и доброе настроеніе и серьезное богословское научное образованіе и твердость духа, способнаго къ исповѣдничеству и т. п., но на улицахъ, въ ресторанахъ, на баррикадахъ, въ пропагандѣ по деревнямъ политики и яко бы послѣднихъ словъ науки, съ которой знакомство продолжается только два или полтора мѣсяца въ году — ничего не приобрететъ, а еще и растеряетъ все, что отъ гимназіи осталось.

Если бы кто сказалъ, что рѣчь идетъ только о Швеціи, то мы бы могли привести примѣры полнаго почти паденія церковной и даже христіанской вообще жизни и въ Германіи, гдѣ учреждены и учреждаются всяческіе союзы для противодѣйствія духовному разложенію: напр. союзъ внутренней миссіи для борьбы съ невѣріемъ, пьянствомъ и безнравственностію, ферейны нравственности, церковный комитетъ друзей исповѣданія, эйзгнахскій союзъ и негласный союзъ (*stille vereiniguing*), который въ своемъ циркулярѣ разъясняетъ, что въ разрушеніи богословской науки и поврежденіи вѣры, со всѣми гибельными послѣдствіями этого для церковной жизни, виновно современное міровозрѣніе, получившее господство въ наукѣ, въ томъ числѣ и богословской, и въ научномъ методѣ и отражающемся на всеобщемъ мышленіи и чувствованіи вѣка. Что же предлагаетъ просвѣщенная германская интеллигенція, сознающая бѣдствія отъ упадка вѣры и церковности? Какъ разъ обратное тому, что требуютъ наши молодые реформаторы и нѣкоторые ихъ родители: „противъ этого ложнаго міровозрѣнія, говоритъ упомянутый союзъ, со всею силою и святою рѣшительностію выставить и проводить истинное библейское міровозрѣніе, неразрывно связанное съ вѣрою въ живаго Бога и въ Едино-

роднаго Сына Божія, распятаго и воскресшаго, проводить посредством: а) систематическаго богословскаго библейскаго — вѣрующаго изслѣдованія, б) соответствующаго воздѣйствія на практическую жизнь церкви, в) опроверженія возрѣнн противниковъ, г) личнаго выступленія въ каждомъ удобномъ случаѣ. Рѣшительная борьба въ указанномъ направленіи необходимъ для развитія Царства Божія. Часть насталь“. (Церк. Вѣст. № 93, 1905 года стр. 1371). Итакъ, лучшіе люди просвѣщенной Германіи, замѣчая разложеніе церковно-христіанской жизни въ своей странѣ, желаютъ усилить духъ церковности, богословскаго, библейскаго изслѣдованія, заявляютъ, что часть насталь къ такому повороту, а у насъ недозрѣлыя юноши и либеральные ихъ покровители заявляютъ, наоборотъ, что насталь часть усилить естественно-математическій, свѣткій элементъ и ввести въ духовную школу гимназическій курсъ, который погубилъ нѣмецкихъ пасторовъ, а нашихъ гимназистовъ почти поголовно превратилъ въ антицерковниковъ и чуть не атеистовъ и космополитовъ. (Воззваніе Попехонскихъ гимназистовъ. М. Вѣд. № 295 1905 г.).

„Въ протестантской Германіи *), со всѣхъ концовъ ея стали раздаваться жалобы на злоупотребленіе въ церковной жизни и стали открыто заявлять, что „пусть бы теперь лучше сами прихожане воспитывали пастора, вмѣсто того, чтобы пасторъ воспитывалъ прихожанъ“. Правовѣрные протестанты теперь требуютъ, чтобы образованіе духовенства совершалось въ интересахъ церкви и церковнаго преданія, а въ самомъ даже Берлинѣ прихожане потребовали удаленія пастора Фишера, начавшаго проповѣди въ новомъ антихристіанскомъ духѣ; тоже случилось и во многихъ другихъ мѣстахъ — Не этого ли самаго добиваются и у насъ новые реформаторы, пересаживающіе, сами того не вѣдая, чужеземное худосочное растеніе на русскую почву, которая и такъ засорена гнилью западной культуры въ видѣ всякихъ „измовъ“ (анархизмъ, социализмъ, нигилизмъ, рационализмъ, пессимизмъ, ницшеанизмъ, марксизмъ и т. п.) и земской, скроенной на нѣмецкій ладъ, школой. Если юные реформаторы порвали такъ рано связь съ церковію, ихъ вкормившею, тяготея изученіемъ того, что служить на ея защиту, желаютъ изучать подробно максимовъ и подмаз-имиковъ,

*) Прав. Обзор. 1888 г. февр. стр. 417.

рисующихъ пориграфію и силу босяка-бунтаря и т. п., а не творенія св. отцовъ, раскрывающихъ о Богѣ, духовной жизни со всѣми ея проявленіями, увлекаются математикою и естествовѣдѣніемъ, то неужели начальство должно безирекословно помогать имъ совершить духовное самоубійство надъ собою и духовною школою и губить будущія поколѣнія духовнаго сословія, а помощь эта и выразилась бы въ пріемѣ петиціи и направленіи ея по адресу. Начальство, благосклонно отнесшись къ самовольному прекращенію занятій, къ самозванному и при томъ, какъ мы уже видѣли, крайне вредному реформаторству юношей, тѣмъ самымъ узаконило бы ихъ поступокъ и стало бы въ противорѣчіе съ высшимъ начальствомъ и правилами, остающимися въ дѣйствиіи по духовному вѣдомству и указами, предъусматривающими подобныя поступки и указывающими, какъ поступить. Если для бунтующихъ оказались необязательными требованія вѣрноподанничества, обязывающія во всякое время, а тѣмъ болѣе въ смутное, честно исполнять свой долгъ, если послушаніе для ослушниковъ осталось пустымъ звукомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ выводить обязательства и начальству отступать отъ долга повиновенія, иначе во что бы обратилась вся церковная и общественная жизнь при всеобщемъ бунтѣ и умѣстно ли нравы улицы, обычаи стачечныхъ комитетовъ и союзовъ, попавшихъ въ руки иноплемениковъ и иновѣрцевъ, переносить въ стѣны учебнаго заведенія, въ храмъ науки?

Но авторъ корреспонденціи говоритъ, что начальство и педагоги должны руководиться любовью евангельскою и терпѣніемъ.—Авторъ нарочно умалчиваетъ, для придавія эффекта своимъ словамъ, о томъ, что воспитанниковъ удерживали около недѣли, ждали, что они оставятъ увлеченіе, указывали на печальныя послѣдствія забастовки, на пріостановку ученія до слѣдующаго года, на скорбь родителей, на тяжелое положеніе уволенныхъ, на дальность растоянія и т. п., но на все былъ отвѣтъ: нами рѣшено и обдуманно все. Но если рѣшено и обдуманно, то къ чему же патетическія восклицанія, воззванія къ справедливости, укоры въ жестокосердіи? Вѣдь и любовь даже у Бога, Отца щедротъ и милосердія,— у Бога, щедраго и долготерпѣливаго, имѣетъ границы, и правда Его въ извѣстные моменты, когда мѣра беззаконій человѣческихъ исполняется, замѣняетъ мѣсто милосердія: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, говорилъ нѣкогда Самъ Учитель любви и

воплощенная Любовь-Христосъ Спаситель, сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птицы собираютъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ. (а каково его запустѣніе, видно изъ слѣдующей главы Матѳ. XXIII, 37—38). Ты держишься вѣрно, говоритъ ап. Павелъ, не гордись, но бойся. Ибо если Богъ не пощадилъ природныхъ вѣтвей (Израиля), то смотри, пощадитъ ли и тебя (христіанина). Итакъ видишь благодать и строгость Божию: строгость къ отпадающимъ, а благодать къ тебѣ, если пребудешь въ благодати Божіей; иначе и ты будешь отсѣченъ. (Рим. XI, 20—22). При томъ любовь, вѣдь, по злоупотребленію грѣховнаго человѣка, легко можетъ обратиться въ поблажку страстямъ, порокамъ, привести къ духовному разчлененію, безпечности и сдѣлать болѣе зла, чѣмъ добра, почему и сказано: его же любитъ Господь—наказуетъ (Евр. XII, 6); „Мнѣ отмщеніе—Азъ воздамъ“ (Евр. IX, 30).

Молодые люди, забывъ страданія отчизны, бѣдствія православной церкви, затрудненія высшей духовной власти, вздумали эксплуатировать все это въ свою пользу; забыли скорбь родителей и ихъ матеріальное затрудненіе, ради своего „я“, ради будущей привольной свѣтской жизни и университетскаго образованія, ради эгоизма, наносятъ тяжкій ударъ родинѣ, церкви и духовной школѣ, и для нихъ любовь не обязательна, а также и терпѣніе, но для власти и педагоговъ они обязательны. По любви къ бунтующимъ и требующимъ гибели духовной школы и тяжкаго бѣдствія для церкви, начальство должно все сдѣлать и среди неслыханныхъ, страшныхъ бѣдствій безпрекословно исполнить крупнѣйшую реформу, а бунтующіе и губящіе себя и школу освобождаются отъ всѣхъ нравственныхъ требованій и заповѣдей, находятъ себѣ защитниковъ и покровителей, которые, на самомъ дѣлѣ, обращаются въ потатчиковъ и страшныхъ враговъ школы и юношей, поощряя ихъ покровительствуя имъ въ ихъ неблагоразумныхъ, несвоевременныхъ дѣйствіяхъ, ставящихъ ихъ въ ряды лицъ, обагрившихъ руки въ крови и смутившихъ всю нашу многострадавшую отчизну бунтами и стачками для достиженія дикаго произвола и своеобразнаго насилія во имя свободы и свободы отъ совѣсти. Люди, жаждущіе крови и революціи, призвавшіе на помощь пролетаріевъ всего міра, хитро сдумѣли замаскировать и соединить свои революціонные и демократическіе замыслы съ нуждами и

вождеденіями народа и школьной молодежи, остановили ходъ государственной жизни на удивленіе учительницы—Европы, не додумавшейся еще до такой дикости, особенно въ школьной жизни—лѣнностію и бунтомъ искать реформъ и вотъ такимъ то вдохновителямъ (вѣдь у нихъ находили семинарскія прокламаціи, какъ видно изъ одного привіслянскаго процесса) и ихъ послушнымъ орудіямъ, бунтующимъ юнымъ школьникамъ, начальство, по мнѣнію корреспондента и его единомышленниковъ, должно тотчасъ же идти на встрѣчу и все исполнить подъ угрозою прекращенія занятій. Но начальство, руководясь закономъ, требованіями дисциплины, долга и повиновенія власти, истощило мѣры увѣщанія и предупрежденія и въ этомъ его никто не вправе винить: вы требуете коренной реформы духовной школы съ обращеніемъ ея въ свѣтскую гимназію, съ предоставленіемъ вамъ доли самоуправленія (съ кассою для будущихъ забастовокъ) и свободы для отлучекъ изъ школы, при чемъ раздѣляете требованія, на удовлетворяемые немедленно и въ ближайшемъ будущемъ, а затѣмъ требуете „удовлетворительнаго“ отвѣта (какая предусмотрительность)—и прекращаете занятія въ ожиданіи отвѣта. Вамъ отвѣчаютъ, что въ настоящее время, полное смуты и тревогъ, крутой реформы—съ превращеніемъ духовной школы въ свѣтскую гимназію и переходную ступень въ университетъ, въ фабрику для выдачу аттестатовъ зрѣлости и приготовленія антирелигіозныхъ, либеральныхъ пасторовъ—произвести нельзя и несвоевременно тѣмъ болѣе, что высшая власть занята важнѣйшими государственными и церковными дѣлами и событіями по всей имперіи; высшая власть не можетъ какъ бы вступать въ торгъ съ бунтующими и разбирать маловажныя и болѣе важныя требованія, немедленно или съ отсрочкою исполняемыя; если идти этимъ путемъ, то конца не будетъ разнымъ требованіямъ и пререканіямъ, но что во всякомъ случаѣ высшая власть не останется невнимательною къ нуждамъ питомцевъ духовной школы и законныя, удобоисполнимыя осуществить въ свое время, которое можетъ оказаться близкимъ, на что есть и признаки въ видѣ подготовки къ собору, имѣющему открыться въ недалекомъ будущемъ. Вы не удовлетворяетесь этимъ и не хотите заниматься—ваша воля и тогда уѣзжайте домой и, какъ заявившіе нежеланіе учиться въ школѣ при настоящемъ строе, не согласившіеся немногo подождать—не можете считаться и учащимися, такъ какъ добровольно отказались. Вамъ не желательно посвятить силы свои церкви,

васъ и родителей Вашихъ питающей, Вамъ милымъ и заманчивымъ кажется свѣтское обученіе, „тѣлесное, которое, по слову апостола, вмалѣ полезно есть, а благочестіе на все полезно, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго“ (1 Іоан. IV, 8), Васъ манитъ къ себѣ міръ съ его удовольствіями и соблазнами (расширеніе отпусковъ и посѣщеніе спектаклей)—Васъ и не могутъ держать силою и увольняютъ: идите въ свѣтскую школу, и она Вамъ дастъ тѣ мнимыя блага, которыхъ жаждетъ ваша юная, но такъ рано утратившая вѣру и любовь къ Св. Церкви и служенію ей, душа. Зачѣмъ вамъ духовная школа, которую Вы такъ ненавидите, въ которой вы въ тоскѣ „по котламъ и мясамъ египетскимъ“ изнываете, а не хотите, подобно древнему Израилю, идти въ землю обѣтованную стропотнымъ путемъ, какимъ шли ваши славные дѣды и прадѣды и какой указанъ Христомъ въ узкомъ пути, тѣсныхъ вратахъ, въ крестѣ и самоотверженіи. Голосъ „мудрыхъ міра сего“, но предъ Богомъ, по апостолу, юродивыхъ, совѣты „сыновъ свѣта“ — вамъ пріятнѣе, внушительнѣе, чѣмъ совѣты вашихъ начальниковъ, наставниковъ, благоразумныхъ родителей — идите за ними, оставляйте духовную школу, но тогда зачѣмъ и жаловаться, смущать другихъ, сбивать съ толку общество, обвинять другихъ въ недостатокѣ любви, когда самими этотъ законъ любви тяжело нарушенъ. Зачѣмъ позволять людямъ, мало освѣдомленнымъ въ дѣлѣ, являться защитниками, ходатаями, обвинителями; это значитъ унижать дѣло. Разъ, кто взялся за защиту, то долженъ быть освѣдомленъ и если знаетъ все, то не позволять себѣ употреблять слова „кажется“, „по газетнымъ извѣстіямъ“ и т. п. и тѣмъ оставлять другихъ въ недоумѣніи, давать поводъ къ толкамъ и поводъ къ обвиненіямъ.

Въ общемъ корреспонденція представляетъ изъ себя памфлетъ на духовную школу и высшее духовное начальство, на которое возводятся всякія обвиненія. Едва ли такая защита интересовъ молодежи можетъ принести существенную пользу дѣлу и поможетъ опекаемымъ. Законныя нужды, недостатки духовной школы признаны давно, но торпливость въ такомъ серьезномъ дѣлѣ можетъ принести великій вредъ, а переработка уставовъ каждое десятилѣтіе можетъ внести страшный сумбуръ въ школьное дѣло и едва ли кто рѣшится со смѣлостію взяться за такое дѣло, за которое придется нести отвѣт-

ственность предъ совѣстію, Богомъ и людьми. Но во всякомъ случаѣ не забастовками, не требованіями, не памфлетами двигается реформа, а созидательною работою, основанною на учебномъ и воспитательномъ матеріалѣ, собранномъ годами и требующемъ кропотливаго, серьезнаго, усидчиваго труда людей науки и опыта, у которыхъ въ наше сложное, обилующее множествомъ всяческихъ дѣлъ, время, есть не мало и другихъ обязанностей и занятій, а набрать и посадить за дѣло перваго встречнаго — едва ли полезно.

Совѣтуя любовь и терпѣніе выспимъ себя, запаситесь и Вы, авторъ корреспонденціи съ единомышленными Вамъ, любовью и не кидайте легкомысленно обвиненія не по адресу, запаситесь и терпѣніемъ и Вы доживете до нетерпѣливо ожидаемой реформы, хотя, быть можетъ, и не въ томъ видѣ, въ какомъ мечтаютъ видѣть духовную школу, давно въ душѣ порвавшіе съ нею связь и стремящіеся изъ „дома Отцаго“, изъ дома Матери Церкви (а кому Церковь не мать, тому и Богъ не отецъ, по ученію св. Кипріана) въ „страну далече“, гдѣ имъ придется гибнуть голодомъ духовнымъ, питаться рожцами „мірскихъ страстей и удовольствій скоропреходящихъ и грѣховныхъ“, но, быть можетъ, безъ надежды въ возвращенія въ „домъ Отчій“, ибо сказано, что „никтоже взявшійся за дѣло и зрящій вспять, управленъ есть въ Царство Небесное“.

Реформа нужна, но начинать ее нужно съ того же самаго, съ чего началъ приточный заблудшій сынъ — съ внутренняго духовнаго обновленія, перерожденія, измѣненія личной грѣховной жизни на жизнь истиннаго христіанина; тогда и откроется выходъ изъ дѣйствительнаго сквернаго душевнаго состоянія, состоянія озлобленія, пессимизма, зависти, гордыни, мечтаній о своемъ „я“, изъ того „прозябанія“, во грѣхахъ вообще и особенно во грѣхѣ отчужденія отъ Бога. — Тогда не будетъ чувствоваться сквернаго положенія, чувства „прозябанія жизни, проклятія своего положенія“, что приписывается въ корреспонденціи питомцу духовной школы, но въ душѣ настанетъ Царство Божіе „миръ и радость“, (Рим. XIV, 17), о чемъ говоритъ ап. Павелъ, много испытавшій въ жизни: „мы отовсюду притѣсняемы, но не стѣснены, въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся, гонимы, но не оставлены, излагаемы, но не погибаемъ, всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова откры-

лась въ тѣлѣ нашемъ, ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей (2 Кор. IV, 8—11). Я былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти, въ опасностяхъ на рѣкахъ, уотъ разбойниковъ, и единоплеменниковъ, язычниковъ, въ городѣ, въ пустынь, на морѣ, между жлжебратіями, въ трудѣ, изнуреніи, въ бдѣніи, въ голодѣ, и жаждѣ, въ постѣ, стужѣ и въ наготѣ (2 Кор. XI, 23—27). Будьте мнѣ подражатели, какъ я Христу (1 Кор. XI, 1). Вотъ истинный идеаль, великій образецъ для подражанія, обязательный для всѣхъ христіанъ, какъ видно изъ словъ апостола (1 Кор. XI, 1), а отъ мѣ болѣе для питомцевъ духовной школы. — Слѣдуя завѣту апостола христіанинъ и на гнойщѣ Дазаря и въ чертогахъ обогача вид „на всякомъ мѣстѣ владычества Божія“ будетъ говорить „благослови, и душею моею Господа“, а не озлобляться, нервничать, проклинать и бунтовать; говорить съ великимъ апостоломъ: Богъ судилъ намъ быть какъ бы приговоренными къ смерти, потому что мы сдѣлались позорищемъ для ангеловъ и чловѣковъ; мы безумны ради Христа, а вы мудры въ Христв; мы немощны, а вы крѣпки; вы въ славѣ, а мы въ безчестіи; даже до нынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу и побои, и жскитаемся, и трудимся работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ, гонятъ насъ, мы терпимъ, хулятъ насъ, мы молимъ, мы какъ соръ для міра, какъ прахъ—всѣми поцираемый донынѣ (1 Кор. IV, 9—13); мы не униваемъ, но если внѣшній чловѣкъ и тлѣеть, то внутренній со дня на день обновляется, ибо кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ избыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вѣчно (2 Кор. IV, 16—18). Благословенные предки наши и старались такъ жить, какъ заповѣдуетъ апостоль Христовъ, съ вѣрою и терпѣніемъ несли, по завѣту Христа, посылаемый Имъ жизненный крестъ, но нынѣшнее поколѣніе бросаетъ этотъ скорбный крестъ, посмѣвается надъ этими совѣтами, такъ что къ большинству приложимы слова того же апостола: „душевный чловѣкъ не принимаетъ того, что ноть Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор. II, 14). Странны и не понятны молодому поколѣнію, сла-

бому вѣрою всѣ эти великіе завѣты, а потому представителямъ его и надо чаще исполнять слова апостола Павла: „испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ-ли вы? самихъ себя изслѣдывайте. Или вы не знаете самихъ себя, что Іисусъ Христосъ (въ васъ? Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть“ (2 Кор. XIII, 5), и дѣйствительно, если бы молодое поколѣніе имѣло полную вѣру, было бы близко ко Христу, было бы тѣмъ, чѣмъ должно ему быть по своему высокому призванію, то проклятія, угрозы, обвиненія власти, озлобленія, бунты и забастовки не имѣли бы мѣста въ ихъ жизни, у нихъ, поставившихъ себѣ цѣлю общеніе со Христомъ, и подражаніе Ему и Его великому ученику, заботы были бы направлены къ внутренней реформѣ духа по закону Христову и тогда, при честномъ (исполненіи каждымъ своего долга, своихъ обязанностей) было бы навсѣхъ благословеніе Божіе, успѣхъ въ дѣлахъ; всеобщій порядокъ и благоустройство, а съ нимъ и внѣшнее благосостояніе. При забвеніи же Христа и Его завѣтовъ даже самыя лучшія реформы не принесутъ пользы и „старое вино будетъ раздирать новыя мѣхи“ (Марк. II, 22), какъ говоритъ Спаситель. — Безъ внутренняго обновленія реформы счастья не принесутъ, тѣмъ болѣе реформы, идущія въ разрѣзъ съ духомъ и задачами школы и добытыя грѣховнымъ путемъ противленія, непослушанія и нарушенія Закона Божія и гражданскаго путемъ эксплуатаціи бѣдствія церкви и родины въ угоду личнымъ интересамъ. — Все неприличіе, чтобы не сказать болѣе, такого поступка признаетъ не заучившійся, не зараженный либерализмомъ, вѣрующій и честный труженикъ — обыватель, а потому и говоритъ „поятъ, кормятъ, учатъ; изъ за чего же бастовать“? Труженикъ-обыватель знаетъ цѣну денегъ, какъ онѣ тяжело достаются, живетъ въ проголодь и горюетъ, что юноши вмѣсто труда — лѣнятся и бунтуютъ. Онъ еще болѣе сталъ бы горевать, если бы узналъ, что на деньги, облитыя потомъ, кровью и слезами народными, на деньги, вырученныя отъ продажи вѣнчиковъ на покойниковъ, отъ свѣчей, которыя оставитъ и труженикъ мозолистою рукою, и грѣшникъ, отчаянный беззаконіями, и старецъ, убѣленный сѣдинами, и бѣдная вдовица на послѣднія лепты, — на эти, деньги между прочимъ, обучаются бунтующія юноши. Они будутъ давать великій отвѣтъ Богу за то, что, воспитываясь на кровныя деньги народа, не готовятся быть его утѣшителями, молитвенниками, освятителями

и просвѣтителями въ духѣ св. Церкви, а составили заговоръ уйти отъ народа и броситься въ водоворотъ свѣтской, легкомысленной, далекой отъ Бога и Церкви, жизни, въ омутъ забастовокъ и всевозможныхъ стачекъ на радость врагамъ отчизны!

Но пусть авторъ корреспонденціи не пугается и другихъ не пугаетъ слухами, будто-бы, ходящими по городу и рассказами нелѣпыми и жестоко осуждающими забастовщиковъ. Нашъ умный и добрый, особенно простой, народъ, дѣйствительно возмутился этою эпидеміею забастовокъ, назвалъ забастовщиковъ настоящимъ именемъ и успокоился, занимаясь честно своимъ дѣломъ въ поученіе бунтарямъ и теперь мало интересуется этою шумихою, мишурнымъ героизмомъ; теперь у него много другихъ заботъ. Поэтому памфлетъ—оправданіе (съ обвиненіями на начальство и оправданіемъ незаконнаго поступка) не принесетъ пользы, не дастъ истиннаго разъясненія, но можетъ сбить съ толку и внушить превратныя мысли и вслѣдствіе этого лучше бы было, если бы корреспонденціи и вовсе бы не было.

Сама по себѣ корреспонденція не заслуживала бы и опроверженія, но она затрагиваетъ серьезные вопросы, касается печальнаго явленія, имѣвшаго мѣсто почти по всей Россіи, даетъ неправильное освѣщеніе дѣятельности власти, набрасываетъ неблагоприятную тѣнь на нее, поэтому мы и рѣшились отвѣтить и, по мѣрѣ возможности, установить болѣе правильный взглядъ на дѣло.

А-р-т-ъ Николай.